

тии процесса складывания интеллектуалов сельского хозяйства как отдельного социального класса советской деревни.

Таким образом, вследствие особенностей правового и экономического статуса сельскохозяйственных интеллектуалов происходило формирование их ментально-поведенческих характеристик, которые отличали интеллектуалов от других социальных категорий аграрной подсистемы. Сосредоточение основной части интеллектуалов сельского хозяйства до середины 1950-х гг. в государственном укладе приводило к тому, что они не отождествляли себя с колхозным населением, осознавали свою особую роль представителя государства в колхозах, при этом стремились занять прочные позиции в аграрном производстве и сельском социуме. После перевода в середине – второй половине 1950-х гг. интеллектуалов в статус колхозников они продолжали осознавать свою групповую идентичность, о чем свидетельствует то, что после перемещения в колхозы, они формулировали и активно отстаивали свои интересы, отличавших их от других социальных категорий сельскохозяйственного населения.

Источники и литература

1. *Безнин, М.А.* Интеллектуалы в сельском хозяйстве России 1930 – 1980-х гг. (новый подход к социальной истории деревни) / М.А. Безнин, Т.М. Димони. – Вологда, 2010.
2. *Безнин, М.А.* Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930 – 1980-х гг. / М.А. Безнин, Т.М. Димони // Социологические исследования. – 2011. – № 11. – С. 91 – 102.

3. Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). – Ф. 25223. – Оп. 2. – Д. 192.
4. *Вяткин, А.* Творцы плодородия. Очерки об участковых агрономов МТС / А. Вяткин. – М., 1950.
5. Государственный архив Архангельской области (ГААО). – Оп. 3474. – Оп. 1. – Д. 2356.
6. ГААО. – Ф. 3474. – Оп. 1. – Д. 2246.
7. *Гришина, Е.А.* «Старая» и «новая» российская интеллигенция – противоречия социальной идентификации / Е.А. Гришина // «Новая» и «старая» интеллигенция: общее и особенное: Материалы XII теоретико-методологической конференции. – М., 2012. – С. 41 – 53.
8. Классы, социальные слои и группы в СССР / отв. ред. Ц.А. Степанян, В.С. Семенов. – М., 1990.
9. Красное знамя. – 1940. – 26 февраля.
10. *Николаева, Г.* Жатва / Г. Николаева. – М., 1952.
11. Правда. – 1948. – 13 июля.
12. Правда Севера. – 1954. – 14 апреля.
13. Правда Севера. – 1957. – 2 июля.
14. Правда Севера. – 1958. – 15 марта.
15. Руткевич, М.Н. Тенденции развития социальной структуры советского общества / М.Н. Руткевич. – М., 1975.
16. Социалистическое земледелие. – 1932. – 29 августа.
17. Социалистическое земледелие. – 1932. – 11 сентября.
18. Социалистическое земледелие. – 1932. – 27 ноября.
19. Социалистическое земледелие. – 1939. – 3 января.
20. Социалистическое земледелие. – 1939. – 10 мая.
21. Социалистическое земледелие. – 1947. – 29 августа.
22. Социалистическое земледелие. – 1954. – 15 мая.
23. Социальный облик колхозной молодежи по материалам социологических исследований 1938 и 1969 гг. – М., 1976.
24. *Тюрина, А.П.* Формирование кадров специалистов и организаторов колхозного производства 1946 – 1958 гг. / А.П. Тюрина. – М., 1973.

УДК 94+908 (470+571)

К.А. Юдин

Научный руководитель: декан исторического факультета, заведующий кафедрой новейшей отечественной истории доктор исторических наук, профессор А.А. Корников

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО КОМИССИИ ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ (КПК) ПРИ ЦК ВКП(б) В ИЮЛЕ 1940 – ИЮНЕ 1941 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ИВАНОВСКОЙ И ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Статья посвящена одному из эпизодов истории партийно-политического контроля СССР и его конкретного ведомства – Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б). Предпринята попытка с привлечением региональных материалов обозначить статус и основные направления деятельности института уполномоченного КПК в предвоенный период.

Внутрипартийный контроль, уполномоченный КПК, механизмы власти, региональная модель управления, Верхнее Поволжье.

The article is devoted to one of the episodes in the history of party political control of the USSR and its specific authority - the Commission of Party Control (CPC) of the CC of the CPSU (b). The status and main activities of the institute of the commissioner of the CPC in the prewar period was identified with the help of regional materials.

Inner-party control, commissioner of the CPC, mechanisms of power, regional governance model, Upper Volga.

Одним из важнейших звеньев советской политической системы был внутрипартийный контроль, который практически на протяжении всей истории

СССР обладал исключительными полномочиями и статусом, поскольку именно партийная власть и принимаемые ей решения обладали в коммунистиче-

ском государстве подлинно реальной силой. С февраля 1934 г. этот важный системный компонент присутствовал в виде специального ведомства – Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б), которая изначально наделялась правом проведения официальной «идеологической экспертизы» – тщательной проверки решений нижестоящих институтов власти и региональной администрации на предмет соответствия «волеизъявлению генеральной линии партии». Ведущим тематическим спектром партийно-политического контроля был социально-экономический мониторинг, который возлагался в центре на 16 групп по различным отраслям «народного хозяйства», а на региональном уровне – присутствовал в виде специальных резидентов – уполномоченных КПК при ЦК ВКП(б) со штатом ответственных контролеров [12, л. 45 – 47]. Деятельность уполномоченных носила предельно унифицировано-исполнительный характер, а целесообразность их присутствия в регионах определялась «наверху» в соответствии с текущими задачами на «хозяйственно-культурном фронте». К июлю 1940 г. внутрипартийный контроль пережил этап системно-институциональной перезагрузки.

На период с июня 1939 по июль 1940 гг. большинство уполномоченных Европейской части СССР были отозваны, за исключением наиболее отдаленных национально-территориальных «окраин» из бывшей Закавказской РСФСР, а также дальневосточного региона [13, л. 30].

Это было связано с усилением централизации, которую можно рассматривать как переходный этап внутриполитической «пострепрессивной разрядки», что сопровождалось возвышением «легальных» органов власти – партийных комитетов. Летом 1940 г. начинается новый этап развития внутрипартийного контроля. Геополитическая напряженность, возникшая с началом Второй мировой войны, и крайне неудачная и в военном, и дипломатическом отношении «финская кампания», побудили советское руководство к ужесточению контроля за развитием военно-промышленного комплекса и технологическими процессами на предприятиях оборонного значения. Этот главный фактор, а также грядущие под его воздействием конъюнктурные сдвиги в сельскохозяйственной политике и региональном индустриальном облике, привели к полному возрождению прежней модели контроля с присутствием уполномоченных на местах в предвоенный период.

В Ивановскую область был командирован В.М. Канарейкин, прибывший вместе с ответственными контролерами С.С. Бугровым, М.В. Кашиным и П.А. Поляковым [1, л. 6]. В Ярославскую область в качестве уполномоченного был назначен А.И. Белокопытов со штатными сотрудниками Е.А. Григорьевой, Д.И. Пчелиным [16, л. 5], К.Н. Борисовым, Ю.Н. Лисицыным, И.И. Чистяковым [18, л. 1]. Аппараты уполномоченных сразу включились в действующую административную схему, расставляя приоритеты контроля в соответствии с имевшимися на момент прибытия оперативными задачами.

Так, с весны 1940 г. наблюдалось явное преобла-

дание нормативно-правовой базы по сельскому хозяйству. В марте – июле 1940 г. прошли два пленума ЦК ВКП(б), на которых одними из главных, стоявших на повестке дня, были вопросы изменения политики заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов, связанные с переходом на погектарное исчисление и отменой системы контрактации [8, с. 150, 159]. Решения пленумов, потребовавших усилить «тщательный контроль за качеством уборки хлебов» [8, с. 161], нажим на «внеобластных», децентрализованных заготовителей, создали объективный проблемно-тематический перевес в деятельности уполномоченных. В немалой степени это было выгодно и самим уполномоченным. Они получили в свое распоряжение своеобразный испытательный, квалификационный срок, дававший возможность сосредоточиться на решении «шаблонных», типовых проблем, и одновременно вникать в тонкости промышленного развития областей, с которыми они, как люди новые, еще не успели познакомиться. Сыграл роль и рутинный, человеческий фактор – уполномоченные поспешили оправдать возложенное на них доверие в плане доминирования в регионах, поэтому, поддавшись личным амбициям, приступили к возрождению былого авторитета структур КПК.

Именно поэтому деятельность уполномоченных КПК на территории региона открылась достаточно напористой «атакой» на кадровый корпус обкомов и пресечение низовых частных, приватно-упрощенных управленческих приемов в виде «телефонных договоренностей», которые были вполне распространены среди местной номенклатуры. Особенно это просматривалось в период отсутствия внешнего внутрипартийного контроля, когда она чувствовала себя вольготно. Поэтому по многим параметрам волна критики со стороны уполномоченных была не лишена конструктивных оснований.

«Составленная номенклатура обкома исключительно раздута, – справедливо писал в сентябре 1940 г. Канарейкин, – в учетно-распределительную номенклатуру обкомом включены все заведующие фабриками, начальники цехов и отделов, 65 председателей колхозов, 25 заведующих пионерскими клубами, 11 заведующих детскими техническими станциями, 61 заведующий детскими яслями <...> всего 7745 должностей» [4, л. 1 – 2]. И далее: «Насколько запущен учет руководящих кадров в обкоме говорит тот факт, что 150 человек номенклатурных работников, утвержденных обкомом, в настоящий момент на этих должностях не работают, а куда и кем перемещены – обкому неизвестно» [4, л. 1 – 2].

Аналогичная ситуация «текучки» кадров, мимолетного трудоустройства с чередованием использования полагавшихся по рангу льгот складывалась и в Ярославле. Там А.И. Белокопытов, в свою очередь, констатировал «огульный прием в партию всех желающих до 90 – 95 %» и вызванный им «непомерно быстрый рост» номенклатурных категорий с ускоренной вертикальной мобильностью. Во многих районах Ярославской области все «руководство» было сведено к «накачиванию по телефону» [17, л. 76] или робкому напоминанию, что привело к тому, что мно-

гие райкомы «совершенно не стали отвечать ГК ВКП(б) на его письма» [17, л. 145].

В то же время такой повышенный энтузиазм уполномоченных по обнаружению недостатков партийных организаций, искусно облеченный в заботу о подъеме массово-политической работы, был встречен явно скептически-неодобрительно и настороженно и первым секретарем Ивановской области Г.Н. Пальцевым, и, в Ярославле, – Н.С. Патоличевым, которые предприняли ответные меры для смягчения критики. В сентябре 1940 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) утвердило решение бюро КПК от 29 августа, принятое на основе докладной записки Канарейкина «О невнимательном отношении Ивановского ГК ВКП(б) к обсуждению июльского пленума ЦК ВКП(б)», которое обязывало лично Пальцева провести вторичную проверку итогов обсуждений, связанных с количественными показателями посещаемости собраний. Узнав об этом, Г.Н. Пальцев направил в ЦК служебную корреспонденцию, где выражал сомнение в справедливости оценок, налагаемых Канарейкиным, указав на то, что последний пользовался уже устаревшими сведениями, доложив о «недостатках», которые уже были исправлены [2, л. 19 – 20].

А в ноябре 1940 г. Пальцев, очевидно, желая «сыграть на опережение», представил центральному руководству на имя А.А. Андреева и Г.М. Маленкова обстоятельную аналитическую записку по сельскому хозяйству. В ней он практически исчерпывающе осветил все проблемы организации МТМ/ МТС на территории области, продемонстрировав свою компетентность и заинтересованность их разрешения, уделив повышенное внимание ситуации во Владимирской и Никологорской МТМ, куда в это время выехали ответственные контролеры КПК [2, л.104 – 110]. В результате на фоне этого обзора составленная уже в декабре 1940 г. докладная записка В.М. Канарейкина выглядела довольно поверхностной и приземленной. Там приводились лишь фамилии лиц как «конкретных виновников» без серьезного исследования социально-экономической составляющей – низкой заработной платы, уровня образования, жилищных условий трактористов и мастеров – тех данных, которые сообщал Пальцев [5, л. 2].

Подобный «демарш» провел и секретарь Ярославского обкома и горкома ВКП(б) Н.С. Патоличев, но, в отличие от Пальцева, сделал это не напрямую, а «руками» нижестоящих, подчиненных структур. В ноябре 1940 г. от заведующего сельскохозяйственным отделом обкома Зиброва А.А. Андрееву была отослана письмо «О состоянии обработки льна и выполнении плана льнопродукции». В нем Зибров выражал недовольство тем, что уполномоченный КПК Белокопытов обвинял обком во «вредной очередности» применительно к обработке льна. В целом не отрицая наличие ошибок и трудностей, претензии к уполномоченному свелись к тому же, что и в Иванове – к якобы недобросовестному, механическому подсчету количественных данных, проявленному Белокопытовым. Оспаривал Зибров и необходимость ликвидации конторы «Заготлен», настаивая на ее важной функции посред-

ника между колхозами и льнозаводами [15, л. 40]. Кроме того, оба лидера верхневолжских областей продемонстрировали свое «знание дела» публично, периодической печати [9], [10].

Разумеется, подобная конфронтация, если ее так можно назвать, не вышла за рамки чисто служебного, ведомственного, демонстративно-педантичного самоутверждения правоты. Но, исходя из архивных данных, можно с уверенностью сказать, что эти коллизии повлияли на политику уполномоченных, которая стала более взвешенной и умеренной, утратившей первоначальный критический запал. Конечно, это не стоит расценивать как ослабление позиций уполномоченных. Скорее уместно говорить об эволюции межведомственных отношений, о попадании их в «традиционный» канал институционального паритета, открывавший пути к возрастанию положительных оттенков при сохранении известной дистанции.

Создавшейся тенденцией к нормализации отношений, «дипломатическим потеплением» не преминуло воспользоваться костромское руководство, которое в ноябре 1940 г. обратилось напрямую к А.И. Белокопытову с просьбой довести до высшего уровня изнурительную «тяжбу», возникшую между горкомом, городским исполкомом, с одной стороны, и «Союзглавленьпромом» – с другой по поводу энергетической системы города. Суть дела заключалась в том, что правление «Союзглавленьпрома» – начальник Колпановский, его заместитель Столяров проигнорировали условия заключенного с исполкомом и ГК договора об объеме мощности электроэнергии, предназначенной для внутригородского потребления, отпуская 1450 – 1800 КВт вместо установленного минимума в 3300. Опасаясь полного лишения снабжения города электроэнергией в силу низкого приоритета, костромичи ходатайствовали перед уполномоченным «просить т. Маленкова и КПК разъяснить руководству «Союзглавленьпрома» и наркомату легкой промышленности всю серьезность их ошибочной позиции и предложить выполнить решения ГК и ГИКа» [7, л. 20].

К концу 1940 г. подоспела нормативно-правовая база, содержащая стратегические ориентиры по промышленному развитию, главным образом сводящиеся к усилению трудовой дисциплины, а также предельной централизации и унификации производственного процесса, переводящегося на типовые, конвейерные рельсы. Это отвлекло и партийные организации, и уполномоченных от тонкостей дискуссий по сельскому хозяйству и рядовых организационных вопросов. Серия постановлений открывалась Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на 8 часовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода служащих с предприятий и учреждений» [14, с. 373 – 374].

Вслед за этим 10 июля вышел указ, налагавший уголовную ответственность на директоров, главных инженеров и начальников отделов технического контроля промышленных предприятий, позволявший их предавать суду и по приговору суда подвергать тю-

ремному заключению сроком от пяти до восьми лет за «выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции» [14, с. 393]. В октябре 1940 г. – известный указ «О государственных трудовых резервах» [11, с. 774 – 775]. Окончательно промышленно-экономические планы на 1941 г. были приняты XVIII конференцией ВКП(б), прошедшей 15 – 20 февраля 1941 г. [8, с. 192].

По мере формирования нормативно-правовой базы и ее освоения уполномоченными КПК, в их документах находили отражение подлинные реалии, как правило, заметно отличавшиеся от провозглашавшихся «наверху» установок и взятых «командных высот».

К наиболее противоречивым результатам привело внедрение поистине «драконовского закона» о дисциплинарных проступках и увеличении трудовой нагрузки на предприятиях, поскольку требования, которые предъявлялись к учету рабочего времени, фактически не учитывали никаких погрешностей, связанных с человеческим фактором и физическими энергетическими затратами, не говоря уже о духовном истощении. Принуждение к строго почасовому, механическому присутствию и автоматической исполнительности производственного режима сразу отрицательно сказались на психологическом климате внутри предприятий, взбудораженных подобной штурмовщиной. Резко увеличилось количество прогулов и самовольных уходов с предприятий. В связи с этим только по Ярославлю с 20 июля по 1 августа 1940 г. в народные суды поступило 573 дела, с 1 по 10 августа – уже 1248, и за следующие 5 дней еще 850 [15, л. 4].

Еще более внушительные цифры имеются по Ивановской области, где, по данным уполномоченного КПК, с июня 1940 по январь 1941 гг. народными судами привлечено к ответственности 55598 человек, 8437 человек рабочих были уволены с предприятий хлопчатобумажной промышленности, несмотря на кадровый дефицит [3, л. 83].

Некоторые директора из соображений перестраховки передавали дела в суд в массовом порядке, что, разумеется, привело к полной дискредитации советского законодательства, которое начало работать в обратном порядке. «Только по г. Иваново с июля 1940 по январь 1941 народными судами были оправданы 1000 человек и 303 дел прекращены, а за весь период, то есть с июля 1940 – июнь 1941 гг., оправданы 6623 человека и 2234 дел прекращено [3, л. 83].

В то же время проверка указа о «нестандартной продукции» во многом способствовала рационализации системы управления на предприятиях, меры по обеспечению которой уполномоченный и ответственные контролеры активно проводили в жизнь, в том числе в рамках борьбы с ведомствами-«призраками», имеющими фиктивную хозяйственно-политическую нагрузку. В ноябре 1940 г. в Ярославле серьезному обследованию подвергся Резино-асбестовый комбинат, о модернизации технологического процесса которого с удовлетворением писал А.И. Белокопытов: «Пересматриваются и уточняют-

ся инструкции по обработке сырья, материалов и изготовлению готовых изделий. В целях усиления борьбы с неправильной эксплуатацией автопокрышек выявляются и изучаются дефекты готовых изделий комбината. Группа качества усилена и передана из отделения сбыта в техническое бюро комбината; производится реорганизация работы с пересмотром тематических планов и освобождения от несвойственных функций» [15, л. 6].

Тщательно вникали в специфику местного промышленного развития и сотрудники КПК по Ивановской области. Из наиболее колоритных случаев, иллюстрирующих грамотный подход в деле конкретно-оперативного регулирования и понимания всех хитросплетений административных процедур, стоит отметить эпизоды партийного надзора над масштабными строительными работами во Владимире, связанными с одновременным введением в индустриальный арсенал трех заводов: № 303, 328, 287, реконструкцией завода № 260 и возведением Владимирской ТЭЦ. Для ускорения строительных работ, – уверенно заключал в апреле 1941 г. В.М. Канарейкин, – «необходимо перевести 37 Московский трест Народного комиссариата строительства в г. Владимир или реорганизовать третье стройуправление, подчинив его непосредственного Главстройуправлению, с изъятием средств на административно-хозяйственные расходы в распоряжение третьего стройуправления». Свои выводы Канарейкин аргументировал «географической целесообразностью», утверждая, что 65 % строительной программы тресту необходимо выполнять во Владимире, учитывая то, что он также является подрядчиком работ в Кинешме, что ближе к Владимиру, чем к Москве [6, л. 8].

Таким образом, подводя итоги, можно заключить, что деятельность уполномоченных КПК на территории областей Верхнего Поволжья носила дифференцированно-вариативный характер и во многом определялась конфигурацией региональной модели управления. Универсальные и спускаемые «сверху» в одностороннем порядке постановления в области сельского хозяйства, промышленности становились лишь первичным материалом, требовавшим тщательной адаптации к конкретным социально-экономическим условиям.

«Фаза противостояния» в отношениях между органами и уполномоченными КПК преодолевалась по мере того, как они вникали в специфику промышленно-экономического развития регионов и переклонились на решение конкретных, оперативных задач, связанных контролем над трудовой, бюджетно-финансовой дисциплиной, качеством технологических процессов на предприятиях. Эти направления все больше начинают преобладать с конца 1940 – начала 1941 гг. после полугодовой «сельскохозяйственной ориентации», вызванной состоянием нормативно-правовой базы для контрольно-ревизионных мероприятий, которая создавалась для сельского хозяйства с опережением.

В целом, институты КПК за весь рассматриваемый период внесли солидный вклад в становление индустриального облика Верхнего Поволжья, явля-

ясь катализаторами протекания социально-политических процессов, а также реализации стратегии управления в экономической сфере и стимулирования реконструкции и модернизации конкретных хозяйственных объектов. Это обеспечило прочность и нерушимость идейно-политических основ и несущих материально-технических конструкций Советского государства и сталинской единоличной диктатуры как его системного ядра.

Источники и литература

1. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). – Ф. П-327. – Оп. 6. – Д. 759.
2. ГАИО. – Ф. П-327. – Оп. 6. – Д. 850.
3. ГАИО. – Ф. П-367. – Оп. 1. – Д. 41.
4. ГАИО. – Ф. П-367. – Оп. 3. – Д. 17.
5. ГАИО. – Ф. П-367. – Оп. 3. – Д. 28.
6. ГАИО. – Ф. П-367. – Оп. 3. – Д. 61.
7. Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). – Ф. П-2. – Оп. 1. – Д. 493.
8. КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: в 15 т. Изд. 9-е. – М., 1985. – Т. 7.
9. Пальцев, Г. Ликвидация недостатков на отстающих фабриках / Г. Пальцев // Партийное строительство (ПС). – 1941. – № 8. – С. 31 – 35.
10. Патоличев, Н. Опыт работы по графику / Н. Патоличев // ПС. – 1941. – № 8. – С. 37 – 42.
11. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов за 50 лет. 1917 – 1967: в 5 т. – М., 1967. – Т. 2.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 940.
13. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 1010.
14. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – Июль 1956 г. – М., 1956.
15. Центр документации новейшей истории государственного архива Ярославской области (ЦДНИ ГАЯО). – Ф. 1209. – Оп. 1. – Д. 1.
16. ЦДНИ ГАЯО. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Д. 3.
17. ЦДНИ ГАЯО. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Д. 4.
18. ЦДНИ ГАЯО. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Д. 11.